

Без пяти шесть.

Звонок, словно нож, вырезал сознание из пучин глубокого сна.

— Черт! Быстро, встаем, встаем!

Из-за нижней койки напротив донесся голос Чэнь Сяолэя — сонный и в то же время пронизанный рефлекторной спешкой.

Следом раздался глухой стук — что-то упало на пол. Затем шуршание одежды, шарканье тапочек, лязг соприкасающихся тазов — всё это, словно цепная реакция, взорвало 604-ю комнату.

Омладки воспоминаний мгновенно хлынули обратно.

Общежитие, комната 604. Школа повторного обучения Сянцзян. Первый день.

Я вскочил. Сердце бешено колотилось в груди, и было непонятно, то ли это остаточный испуг от резкого пробуждения, то ли паника перед новым днем.

В общежитии уже царил полный хаос.

Сунь Пэн натягивал форму, прищулив глаза, а Чжоу Вэй с растрепанными волосами грязно ругался, разыскивая носки. Чжао Чжао уже был полностью одет и причесывался перед маленьким, с ладонь, зеркальцем на двери, с лицом настолько серьезным, будто он собрался на смотр.

Только у кровати Ван Хаораня стояла тишина.

Я скосил глаза в его сторону — его спальное место уже пустело. Одежда аккуратно сложена квадратом. Неизвестно, когда он успел уйти.

— Всего десять минут! В шесть надо быть в классе! — сунув ноги в кроссовки, рывкнул на меня Чэнь Сяолэй. — Туалет в конце коридора слева, умывальня справа! Быстрее!

Десять минут.

Я не успевал думать. Схватив новенькую сине-белую школьную форму, я натянул ее на себя. На ткани еще виднелись следы от сгибов. Бирки срезали только вчера.

Коридор уже гудел от голосов.

Он был забит сонными, спешащими куда-то мальчишками. Воздух пропитался смесью запахов зубного пасты, мыла и ночного пота.

Туалет и умывальня превратились в поле боя. Толчая, брызги воды во все стороны. Жалобы, подгоняющие крики, плеск воды слились в сплошной галдеж.

Я протиснулся к одному из кранов. Набрал воды. Почистил зубы. Кое-как ополоснул лицо.

Без двух минут шесть.

Вместе с потоком людей я ворвался в учебный корпус и поднялся на четвертый этаж.

В классе третьего потока повторного обучения большая часть мест была уже занята.

Никаких разговоров. Только приглушенный шелест переворачиваемых страниц да зубрежка — тихая, шуршащая, словно бесчисленные шелкопряды грызут листья тутовника. В воздухе висело невидимое напряжение, словно натянутая струна.

Моя парта оказалась на последнем ряду у окна.

Садясь, я заметил, что Ли Чжи уже на месте.

Он застыл, уткнувшись лицом в парту, будто не шевелился со вчерашнего вечера. Солнце еще не до конца поднялось, в классе царил полумрак, и его силуэт казался нечетким.

Ли Юань на первом ряду сидела выпрямившись, с царственной осанкой. Перед ней был раскрыт задачник по английскому, губы беззвучно шевелились, а палец чертил буквы по поверхности стола.

Я в спешке вытащил из портфеля учебник китайского языка для первого года старшей школы. Раскрыл его, подражая ей. Вот только понятия не имел, куда именно смотреть.

Ровно шесть. Прозвенел звонок.

В тот же миг, как смолкли звуки колокольчика, передняя дверь открылась. Вошла худая женщина-учительница в очках. Ни на кого не глядя, она уверенно направилась к подиуму, взяла мел и вывела на доске два иероглифа:

— Утреннее чтение.

Затем притянула стул, села и достала из сумок книгу. Больше не обращая внимания на тех, кто

сидел внизу.

В классе остались только шуршание страниц да монотонное бормотание. Словно запустилась огромная, безмолвная машина.

Прошло неизвестно сколько времени — может, минут двадцать, а может, полчаса — как со стороны спортивной площадки донесся короткий, резкий свисток, пронзивший стекла окон.

— Беговая разминка! Сбор внизу! Быстрее!

Голос раздался из передней части класса.

Это был Чжун Цзинь. Неизвестно, когда он успел оказаться у преподавательского стола. Лицо серьезное, взгляд обводит весь класс. Голос негромкий, но полный не терпящей возражений уверенности.

По классу прокатился грохот — резкий скрежет ножек стульев о пол слился воедино. Все, словно вышколенные солдаты, захлопнули книги, поднялись и хлынули из класса. С удивительной быстротой.

Я тоже в панике вскочил. Ноги затекли, и я едва не споткнулся.

Пока я, суетясь, ухватился за парту и выровнял равновесие, класс уже наполовину опустел.

Ли Чжи проснулся неизвестно когда. Медленно поднялся, потер глаза, на лице не было никаких эмоций, и последовал за общей толпой.

Ли Юань обернулась и бросила на меня взгляд. В ее глазах мелькнуло побуждение поторопиться. Она тоже повернулась и побежала.

— Все на месте — смирно! Вольно!

Грубоватый голос физрука через рупор разнесся по всей площадке.

— Вокруг поля, легкой трусцой три круга! Приготовились — марш!

Команда сорвалась с губ. Весь поток повторного обучения, словно громадный и точный механизм, с грохотом пришел в движение. Шум шагов слился из разрозненного стука в четкие удары, тяжело сотрясавшие землю. И отдававшихся в моих барабанных перепонках и сердце.

Первый круг прошел еще терпимо. На втором началась одышка. На третьем...

Легкие превратились в рваные мехи. Во рту появился солоноватый привкус крови. Ноги налились свинцом.

Пот пропитал школьную форму на спине,

липко прильнув к коже. Утренний ветер принес прохладу, обдувая разгоряченное лицо.

Строй выровняли заново. Все были мокрыми от пота, груди тяжело вздымались. Дыхание постепенно успокаивалось.

Утренний свет стал ярче. Золотые лучи залили красную беговую дорожку и зеленую траву.

— Каждому классу — возвращаться в помещения!

Чжун Цзинь вышел из строя и повернулся к нам:

— Все на месте — направо! Шагом марш!

Колонна снова сдвинулась с места. Но на этот раз путь лежал в столовую.

Я плелся в хвосте строя. Опустив голову. Мне хотелось лишь поскорее найти место, где можно присесть.

Все та же третья столовая, что и вчера. Народу гораздо меньше, чем в вечернее время. Я рухнул на стул, ощущая, что все кости в теле готовы рассыпаться. Пропитая потом форма липла к коже. Ужасно неприятно.

Очередь. Купил пампушки и соевое молоко. Горячие.

Стоило откусить второй кусок пампушки...

— И этим питаешься?

Голос раздался рядом.

Фигура с подносом опустилась на стул напротив меня.

Чжун Цзинь.

На его подносе стояла миска белого рисового отвара, чайное яйцо и маленькая тарелочка солений. Просто, но от еды поднимался пар.

У меня во рту застрял сухой кусок хлеба, я разом подавился и поспешно сделал большой глоток соевого молока, чтобы протолкнуть его. Щеки слегка запылали.

Он поднял на меня взгляд. Глаза остановились на пампушке и миске соевого молока в моих руках. Никаких эмоций. Лишь обычный, будничный вопрос:

— ...М-м, утром лучше попроще.

Он ничего не ответил, опустил голову и принялся чистить чайное яйцо. Движения неторопливые. Хруст трескающейся скорлупы отчетливо звенел в тишине столовой.

Очистив, он опустил гладкое яйцо в рисовый отвар. И размешал ложкой.

— В третьей столовой по утрам выбор небольшой, да и людей мало, — отпив немного отвара, произнес он так, будто обсуждал погоду. — Большинство ходит в первую или вторую. Там делают свежую лапшу и блинчики.

— А, — тихо откликнулся я. — Не знал.

Он снова сделал глоток.

— Больше не ешь по утрам сухие пампушки. После бега нагружать желудок твердой пищей нельзя.

Я на мгновение замер.

Он продолжал пить отвар. Не глядя на меня.

— Завтра иди во вторую столовую. Там есть каша. Приходи до шести пятидесяти, народу немного.

— ...Хорошо.

Он подцепил чайное яйцо палочками и переложил к краю моего подноса.

— Ешь.

— Не надо...

— У меня еще одно, — не глядя на меня, он продолжал пить отвар. — Взял с избытком.

Я уставился на это чайное яйцо. Скорлупа была полностью очищена. Гладкое. Теплое.

— Спасибо.

Он ничего не ответил.

Закончив трапезу, он отнес поднос в пункт сбора посуды. Я тоже поднялся.

Когда я уже доходил до выхода из столовой...

— Юй Цзиму.

Он стоял позади меня в двух шагах.

Утренний свет падал со спины. Белая рубашка, контровой свет. Выражения лица не разглядеть.

— ...М?

— Первый урок — математика, — он сделал небольшую паузу. — Урок учителя Чжоу. Повтори заранее.

Сказав это, он развернулся и поднялся по лестнице.

Я остался стоять на месте. Смотря на его удаляющуюся спину.

Утренний свет. Белая рубашка. Прямая спина. И легкий шрам на безымянном пальце правой руки.

Подготовиться к математике?

Он специально остановился, чтобы сказать мне это?

Я стоял у лестничного пролета. И внезапно вспомнил прошлую жизнь.

В колледже я часто прогуливал первые две пары по утрам. Спал до десяти. Заказывал доставку еды. В класс появлялся только после обеда.

Тогда мне было все равно — все равно ведь ничего не пойму. Все равно учебное заведение паршивое.

Но сейчас стоять здесь...

Встать в пять пятьдесят. Утреннее чтение в шесть. Три круга бега. Пампушки и соевое молоко. А после — идти на урок математики.

Устало. По-настоящему устало.

Но на душе появилось нечто такое, чего в прошлой жизни никогда не было.

Не надежда. Не уверенность. А чувство: «По крайней мере, я это делаю».

Я засунул руки в карманы. Нашупал пачку содового печенья — ту самую, что вчера дала Ли Юань, осталась еще половина.

Глубоко вздохнул.

Поворачивая за угол на втором этаже, я коснулся телефона в кармане.

Одно непрочитанное сообщение. От Юй Дэхоу. Всего четыре иероглифа: «Учись прилежно».

Время отправки: полчетвертого утра.

Зачем он встал так рано?

Я не стал отвечать. Сунул телефон обратно в карман. И зашагал следом по лестнице.

<http://bllate.org/book/19329/1890404>